

Максим Михайлов

Колька. Николай

Максим Михайлов

Колька.Николай

<https://litres.ru/74377373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Минус двадцать два. Голод грызёт рёбра. Андрей шарит в мусорном контейнере. Серая кошка сидит рядом, контролируя территорию. Писк. Сначала кажется — крыса. Но ритм слишком человеческий. Менты заберут обоих: его — как похитителя, пацана — в систему. Труба теплотрассы обещает тишину. Но уйти сейчас — признать, что ты ничем не лучше тех, кто выбросил сюда этого ребёнка. Кошка чихнула от морозной пыли. Андрей сплюнул, натянул гнилые рукавицы поглубже и полез доставать чужие проблемы голыми руками.

Содержание

Глава 1.Невидимки

4

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Максим Михайлов

Колька.Николай

Глава 1.Невидимки

Декабрь в этом году не разменивался на долгие прелюдии с золотой осенью и меланхоличными дождями. Он рухнул на город разом, как пьяный грузчик роняет ящик со стеклом. Вчера ещё хлюпало под ногами серой жижей, а сегодня ночью небо затянуло плотной, тяжёлой пеленой, из которой посыпалась белая крупа.

К утру снег перестал быть пушистым украшением. Декабрь начался конкретно. Мороз схватил землю мёртвой хваткой, выдавив из пористого городского снега всю влагу. Теперь это был не снег — это была ледяная наждачная крошка, которая секла лицо при малейшем порыве ветра. А ветер бушевал так, словно задался целью сдуть этот город к чертовой матери вместе с его гранитными набережными, сталинскими высотками и стеклянными коробками торговых центров. Он выл в арках дворов басовитым, голодным зверем, раскачивал старые фонарные столбы и гнал по проспектам белые позёмки.

Ветер и мороз боролись на невидимом троне этого горо-

да. Мороз хотел сковать, остановить время, превратить всё в хрупкую статую. Ветер же жаждал движения, хаоса: он пытался содрать эту ледяную корку, расшатать фундаменты, выстудить последние щели в панельных домах. Они дрались над головой Андрея, а ему было плевать на их королевские титулы. У него был свой фронт работ.

Андрею шёл сорок шестой год, хотя выглядел он на все шестьдесят, если верить мутному отражению в луже у тепло-трассы, где он провёл прошлую ночь. Андрей — бомж. Когда-то давно, в другой жизни, которую он уже почти стёр из памяти водкой и забвением, его звали Андреем Павловичем, и у него были ключи от уютного дома. Теперь ключами служили мозоли на ладонях.

Его царство располагалось в щели между облупленной стеной расселённого долгостроя и толстой трубой магистральной теплосети. Труба дышала сухим, тяжёлым жаром, который пробирал до костей даже сквозь подошвы ботинок. Это тепло было грязным, пахнущим ржавчиной и химической обработкой воды, но оно было жизнью. Рядом валялся старый плед — выцветший, в рыжих разводах, местами протёртый до тонкой сетки, но всё ещё плотный, будто помнил, как быть тёплым. С одной стороны, ворс сбился в жёсткие катышки, с другой ткань стала гладкой, почти скользкой от времени. Андрей давно заметил эту особенность и использовал её с умом: стелил плед ворсом вниз — так он цеплялся за рифлёный картон и не съезжал, когда приходилось во-

рочаться, а гладкой стороной к себе — хоть и не шёлк, но всё же не колол кожу, как колючая шерсть. Он нашёл его на свалке за хозяйственным магазином. Плед лежал, наполовину придавленный ржавой тележкой, и выглядел так, будто его выбросили не из-за холода, а просто потому, что он перестал вписываться в чей-то уютный интерьер. Андрей вытащил его, встряхнул — с ткани сорвалось серое облачко пыли, пахнуло сыростью и чужим домом. Он не стал морщиться: запах выветрится, а тепло останется. Прижал к груди, проверяя, держит ли ткань воздух, и почувствовал, как внутри, между слоями, будто прячется тонкая прослойка тепла — будто плед ещё помнил, каково это — быть нужным. С тех пор плед стал его оазисом в ледяной пустыне: крошечным островком тепла, где мороз не мог дотянуться до кожи, где даже воздух казался чуть мягче. Одну зиму Андрей чуть не отдал концы, пытаясь согреться одним картоном: холод полз снизу, тяжёлый и неотвратимый, высасывая силы, пока тело не становилось чужим. После той зимы он твёрдо усвоил: между ним и промёрзшей землёй должен быть барьер — не просто тряпка, а именно такой вот плотный кусок ткани, способный удержать жар трубы и не пустить мороз к телу.

Теперь он собирал своё ложе по всем правилам уличного фэн-шуй. Сначала — картон: три больших листа от какой-то коробки, уложенные внахлёст прямо на утоптаный снег. Картон отсекал холод снизу, не давая морозу подобраться исподтишка. На картон ложился плед: малейшая щель, и холод

тут же находил лазейку. Поверх пледа Андрей стелил старую фланелевую рубашку — потрёпанную, с оторванной пуговицей, но мягкую, почти невесомую. Она не грела сама по себе, но работала как буфер: сглаживала жёсткость пледа, не давала ворсу колоть кожу и при этом не сковывала движения. Рубашка была его компромиссом: не фуфайка, тяжёлая и грубая, а что-то простое, привычное, будто кусочек нормальной жизни, который можно натянуть на себя, прежде чем укрыться всем остальным. А под голову он клал подушку — старую, пухлую, сбившуюся с одного бока, но всё ещё упругую. От неё тянуло запахом гусиных перьев: терпким, чуть затхлым, но до странности домашним. Андрей нашёл её на пустыре за парком — она лежала среди прочего хлама, который вынесли из квартиры после смерти хозяйки. Говорили, бабушка умерла тихо, во сне, а внуки, торопясь продать жильё, выгребли всё подряд: книги, посуду, стопки выцветших фотографий — и эту самую подушку тоже. Выбросили из-за спешки и неловкости: хотели поскорее стереть следы чужой долгой жизни, чтобы квартира стала «чистой» для новых хозяев. Андрей тогда долго отряхивал подушку от пыли, прижимал к себе, прислушиваясь к шороху перьев внутри. Он не думал ни про бабушку, ни про внуков — он думал только о том, что перья держат тепло и мягко обхватывают голову, не давая шее застыть. Подушка была тяжёлой, неудобной, местами жёсткой от сбившихся комков, но она не пропускала ледяной воздух к затылку — а это было главное.

Дальше шла тяжёлая артиллерия. Сначала Андрей укладывал кожаный бушлат — грубый, пахнувший пылью и машинным маслом, но плотный, не пропускающий ветер. Бушлат он располагал так, чтобы его тяжёлый край лёг на стык картона и стены: эта тяжесть прижимала ткань, не давая ветру загнать ледяную струю под бок. Поверх бушлата Андрей накидывал старый советский овчинный тулуп без одного рукава. Тулуп весил килограммов восемь, но грел так, что рядом с ним можно было сушить носки. Он не просто набрасывал вещи — он выстраивал защиту. Каждый слой ложился в строгом порядке, и Андрей знал: если хоть один ляжет криво, мороз тут же найдёт щель и проберётся к коже. Поэтому он тщательно расправлял каждый кусок ткани, подтягивал края, прижимал их своим весом, закрывая все возможные лазейки. Но при этом он никогда не укутывался с головой: сырой от дыхания воздух под тканью на морозе становился смертельно опасным. Вместо этого он лишь подтягивал воротник тулупа повыше, надёжно закрывая шею, где холод пробирался быстрее всего. Это был не уют — это была осада. Он возводил вокруг себя баррикаду из старых вещей, чтобы мороз не нашёл лазейку. И пока эта система работала, он жил.

Люди видели его, спеша к своим тёплым машинам и офисам. Кто-то брезгливо морщился, обходя по дуге. Кто-то делал вид, что увлечён экраном смартфона, лишь бы не встречаться взглядом с этим куском человеческой обочины. Жен-

щина в дорогой норковой шубе, садясь в чёрный «Рендж Ровер», демонстративно достала антисептик и протёрла руки, хотя до Андрея было приличное расстояние. Но никому не было интересно, кто он такой. Какая разница? Пепел. Ошибка системы, человеческий мусор, вынесенный сквозняком перемен на периферию жизни. У всех свои ипотеки, свои нервные планёрки, свои остывающие чашки кофе на рабочих столах. Им некогда думать о том, почему мужик сорока пяти лет спит на улице. А ему было как-никак тепло. Не уютно, нет. Уют остался там, в той самой другой жизни, где пахло мандаринами и ёлкой перед Новым годом. Здесь было функционально тепло. Температура тела держалась выше тридцати шести. Главное — не пускать врага снизу. Ветер кусал то за голые костлявые щиколотки, предательски торчащие из-под коротких штанин, то тянул ледяными пальцами за шиворот, находя микроскопические щели между воротником тулупа и шеей. Но Андрей не замерзал. Организм, закалённый тремя такими зимами, перешёл в режим жёсткой экономии топлива. Сердце билось медленно, кровь лениво ползла по сосудам, отдавая энергию только жизненно важным органам. Эта зима для него тоже началась с липкого, ежесекундного страха: выживет или не выживет? Вопрос висел в воздухе каждый раз, когда температура падала ниже минус двадцати пяти.

Он проснулся не от будильника. Будильников у него не было года четыре. Телефон, последняя связь с прошлым, сел

и умер ещё летом, расколовшись экраном пополам. Его поднял мочевого пузырь, требовательно пульсирующий от выпитой вчера тёплой воды из колонки во дворе, и желудок. Слизистая горела кислотой, которая больше не встречала пищи. Это была тупая, сосущая боль внизу рёбер, будто кто-то медленно выкручивал пустую мокрую тряпку. Голод был привычным, фоновым шумом бытия, но сегодня он звучал оглушительно. Хотелось не просто пожрать, а именно покушать. Чего-то горячего, жирного, такого, от чего пойдёт пар.

Андрей выбрался из своей пещеры, сгибаясь под тяжестью собственного одеяла. Утро встретило его ударом плети. Минус двадцать два, и ветер усилился. Он быстро сделал свои дела за замёрзшими кустами, притоптал жёлтый снег и начал сборы. Порядок должен быть везде. Картон он скатал в плотный валик и перетянул найденной на свалке бельевой верёвкой — крест-накрест, чтобы листы не расползлись. Тулуп с бушлатом просто сгрёб в бесформенную кучу, сунул под трубой теплотрассы, рядом с картоном. Место застолблено теплом трубы, никто не займёт.

Он пересёк дорогу. Где-то в километре от логова, за углом ресторана «Скрипка любви», стояла мусорка, которая относилась и к элитному жилому комплексу. Оттуда тянуло таким густым духом чужой, сытой жизни, что ослабевшие колени дрогнули. Запахи чужой, сытой жизни.

Андрей подошёл к контейнерам. Железные ящики стояли в ряд. Он знал их повадки. Этот, крайний слева, синего цвета

— для пластика. Бесполезно. Серый — смешанные отходы, вотчина бомжей. Чёрный — стекло. А вот зелёный, стоящий вторым, предназначался исключительно для пищевого мусора. Если шеф-повар ресторана «Скрипка любви» не забывал сказать помощнику, чтобы тот вынес отходы — для Андрея это почти был праздник. Можно было даже без шампанского его проводить!

Утро было тихим. Торопиться некуда — да и некуда было идти. Андрей подошёл к зелёному баку вплотную. Он не стал прыгать или подтягиваться — сил на это просто не осталось. Вместо этого он широко расставил ноги для устойчивости, упёрся одной рукой в ледяной металл стенки и наклонился над открытым зевом контейнера, заглядывая внутрь. Божественно. На дне, среди жирных картонных коробок и смятых упаковок, лежали два ланч-бокса — пластиковые, плотные, с защёлками. Андрей хищно оскалился, обнажив зубы с желтоватым налётом. Судочки — это удача. Он опустился перед баком на корточки, чтобы сохранить равновесие, и по локоть сунул руку в мусор. Пальцы шарили среди влажных салфеток, пустых стаканчиков и склизких пакетов, пытаясь поддеть гладкий пластик судков и подтянуть их к себе.

И вдруг замер. Ему показалось, что он ослышался. Шуршание — едва уловимое, сдавленное. Звук шёл из глубины, откуда-то из-под коробок. Сначала он подумал на крыс — наглых и тяжёлых. Или на кошку. Но сейчас было слишком холодно даже для них. Может, показалось. От голода реаль-

ность иногда давала трещины. Он привык не верить ушам. Но звук повторился — теперь отчётливее. Тонкий, вибрирующий писк. Не скрип металла. Так плачет ребёнок.

Сердце, давно научившееся экономить удары, вдруг пропустило один, а потом ударило в рёбра так, что заболела грудь. Ребёнок? Здесь? Адреналин хлынул в кровь, смывая ломоту. Остался только инстинкт. Не вставая с корточек, Андрей осторожно разворошил гору мусора свободной рукой. Он отбросил в сторону тяжёлую коробку от пиццы, скомканную фольгу... Пальцы наткнулись на что-то маленькое, невероятно тёплое. Живое. Оно пульсировало, излучая жар, который казался невозможным в этом ледяном воздухе. Кусок тепла.

Младенец. Мальчик. Совсем крошечный — месяца два-три от силы. Завёрнут в простое старое одеяльце. Лицо багровое от натуги, рот приоткрыт в беззвучном крике. Нос приплюснут, глаза плотно зажмурены. На нём был поношенный комбинезончик — ткань грубоватая, швы кое-где расползлись.

Кто-то просто бросил его сюда. Закидали мусором и ушли. Избавились от проблемы, пока никто не видел. Оставили там, где холод делает всё тихо. Расчёт почти сработал. Ещё час — и синие губы стали бы последним, что увидели в этой жизни.

Андрей неловко вытащил свёрток из мусора, перехватил его грязной ладонью и прижал к груди поверх куртки. Его

руки, покрытые цыпками и ввевшейся гарью, казались чудовищно огромными рядом с этой крошечной головкой. Синтетика накрыла младенца, отрезая его от враждебного мира. Впервые за пять лет бродяжничества мозг отказывался обрабатывать реальность. Жалость была роскошью, которую он не мог себе позволить. Но сейчас что-то сломалось. Просто понимание: этот тёплый комоч не должен умереть. Не здесь. Не так.

Младенец снова захныкал — чуть громче. Ему хотелось есть. Хотелось тепла. Того самого, чего каждую минуту хотел и сам Андрей. — Тише, дурачок, — хрипло прошептал Андрей, и собственный голос показался ему чужим. — Тише. Я что-нибудь придумаю.

До полиции идти нельзя. Заберут обоих: пацана отправят в больницу, а его самого оформят как бродягу, и начнутся допросы. В больницу — тоже не вариант: первым делом вызовут тех же самых. Андрей терпеть не мог лишних вопросов — они всегда заканчивались наручниками или ночёвкой в отделении. Оставался только один путь. Назад. К трубам.

Андрей свободной рукой крепко прижал свёрток к груди и пошёл прочь от бака, тяжело, но уже не бесцельно. Теплообменник встретил их облачком пара. Битва за выживание продолжалась. Но теперь она была не за себя одного — а за двоих.

Устроившись у гудящей трубы, Андрей долго смотрел на багровое личико. «А что я могу придумать? Чем кормить се-

годня, завтра? Водой из колонки? Ему нужны врачи, смесь, сухая пелёнка. Стоит мне заснуть от истощения — он замёрзнет прямо здесь». Словно услышав эти мысли, ребёнок снова захныкал. Этот звук резал по живому сильнее мороза. Защищать означало выжить самому. А выжить сейчас значило отдать его тем, кто знает, что делать. Это было бы самым правильным проявлением любви — отпустить.

Алкогольный магазин рядышком с перекрёстком работал круглосуточно. Там было светло, тепло и стояли камеры. За кассой сидела молоденькая девушка-продавщица. Она сонно листала ленту в смартфоне.

Андрей толкнул тяжёлую входную дверь плечом. Над головой звякнул колокольчик. Девушка вздрогнула и подняла глаза. Увидев грязного мужика в изношенной куртке, она инстинктивно замерла. — Присмотрите... пожалуйста, — голос Андрея сорвался на хриплый шёпот. Это прозвучало так тихо, что продавщица едва расслышала его за шумом вытяжки.

Он сделал шаг вперёд. Его огромные, покрытые цыпками ладони двигались удивительно медленно и осторожно. Он перегнулся через прилавок и бережно, словно величайшую драгоценность, переложил тёплый свёрток на гору коробок с сигаретами возле кассы. Младенец даже не проснулся — лишь причмокнул губами во сне, почувствовав смену позы.

Не давая девушке опомниться, не дожидаясь вопросов, Андрей резко развернулся и толкнул дверь обратно. Он вывалился в морозное утро. Не оглядываясь, почти срываясь

на бег, он пересёк тротуар и нырнул в спасительную тишину ближайшей подворотни. Растворился так же быстро, как появился. Сердце колотилось где-то в горле, адреналин выжигал остатки усталости. Лишь отбежав на безопасное расстояние и прижавшись спиной к ледяной стене трансформаторной будки, чтобы перевести дух, он услышал позади нарастающий вой сирен. Синий пульс маячков озарил витрину магазина, которую он только что покинул.

Полиция и скорая приехали через три минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.